

1. ЦДНИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 12об. Протокол заседания Комиссии по работе в деревне при Октябре ВКП(б) от 02.05.1927 г.

2. ГАКК. Ф. 725. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 47–68. Протокол № 19 от 13.05.1966 г. / Протоколы заседаний Президиума Камчатского областного Совета по туризму. 31.01.1966 – 16.12.1966 гг.

П. Л. Калмыков
«КОНСИЛИУМ» АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ ЭСКАДРЫ
 (перевод с английского, комментарий)

Лемюэль Гулливер был судовым врачом. Это не только помогло ему выкарабкаться из всех приключений, но и достоверно их описать. Другой судовой врач, уже реальный, Генри Питман, выжил на необитаемом острове, его документальная книга легла в основу романа Дефо о Робинзоне Крузо. Дневники доктора Дэвида Самвелла – одно из лучших описаний мореплавания Кука. Перечень можно продолжать.

Судовой врач – образованный, наблюдательный человек, который не боится вида крови и умеет описать увиденное, не впадая в фантазию. Если он к тому же участник событий, то лучшего свидетеля не найти.

Большая удача – сопоставить свидетельства сразу трёх врачей англо-французской эскадры, атаковавшей Петропавловск в 1854 г.

I

Первое свидетельство принадлежит перу **Анри Геро** (Henry Guérault, 1825–1897), доктора медицины из Орлеана, кавалера ордена Почётного Легиона. В 1854 г. Геро служил врачом-помощником на фрегате «Eurydice»; отчёт опубликован в научном издании (1) шестью годами позже. Трагедия англо-французской эскадры показана с медицинской беспощадностью.

ХИРУРГИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ
 ОБ АТАКЕ ПЕТРОПАВЛОВСКА-КАМЧАТСКОГО
 АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ ЭСКАДРОЙ ЮЖНЫХ МОРЕЙ
 В 1854 году

Из многочисленных научных или медицинских фактов, что мне довелось собрать за три с половиной года плавания, с 1851 по 1855 год, в Тихом океане, врачом Имперского Флота, на борту фрегатов «Forte» и «Eurydice», никакие не врезались в мою память глубже и не представляют больший интерес для морской медицины и хирургии, чем те, что связаны с нашим первым походом на Камчатку и с боями, которые вели союзные эскадры Франции и Англии в 1854 году против русского городка Петропавловска.

Успешный поначалу, менее счастливый и совершенно убийственный в финале, поход на Петропавловск как военный эпизод по праву имеет своего историографа: один из офицеров французской эскадры, чей псевдоним я не уполномочен раскрывать, опубликовал в нескольких номерах «Revue des Deux-Mondes» рассказ, столь же точный, сколь и талантливый. Речь о статье Эд. Дю-Айи (Ed. du Hailly. Настоящее имя Édouard Polydore Vanéechout), который участвовал в камчатской кампании 1854 г. и описал её) (2).

Посему я здесь ограничусь тем, что обрисую для понимания основные этапы кампании, прежде чем перейти к основной цели – хирургическому отчету, где будет дана статистика наших потерь, описаны основные типы ранений, их истории, потребовавшиеся операции и некоторые отдельные средства лечения, как холодные орошения, применявшиеся со значительным успехом. Я намереваюсь также обозначить температурные и гигиенические ситуации, которые предшествовали и последовали за экспедицией, оценить их влияние на судьбу наших раненых и на развитие столбняка и цинги; наконец, обобщить практические выводы, которые мы смогли извлечь из наблюдений наших и наших коллег на обеих эскадрах.

28 марта 1854 г. в Европе была официально объявлена война, но только 7 мая новость дошла до Калья, порта Лимы (Перу), где её дожидались объединённые французский и английский флоты Океании и западных берегов Америки под командованием адмиралов Феврие-Депуанта и Дэвида

Прайса. Эти офицеры получили от союзных правительств приказ: отправляться совокупно всеми силами на поиск русских военных кораблей в Тихий океан и продолжать поиск до русских владений на севере Америки и Азии.

28 августа (даты во всех отчётах – по календарю англо-французской эскадры, опережавшему юлианский календарь России на 11 дней. 28 августа эскадры соответствовало 17 августа Петропавловска-Камчатского. При этом время на часах на эскадре и в городе совпадало, поскольку выставлялось по географической долготе – *П. К.*), после тягостного перехода, дважды прерывавшегося только заходами на Маркизские и Сандвичевы острова, союзная эскадра достигла южной оконечности Камчатки: корабли преодолели восемнадцать сотен лье, которые отделяют берега Перу от Азии, и теплая погода тропиков резко сменилась туманным и ледовитым климатом приполярных широт. Последняя часть путешествия была весьма опасна по причине жестоких ветров и туманов, столь густых, что суда еле двигались и, чтобы не растерять друг друга, обозначали свое положение частой пушечной пальбой, перемежавшейся сигналами горнов, колоколов и барабанов.

Наконец 29 августа внезапно прояснилось, мы увидели солнце, окрестности и узнали Авачинскую губу, куда и зашли в тот же день. За вычетом двух корветов, отправленных к берегам Калифорнии защищать коммерческие интересы, союзная эскадра имела следующий состав:

– Французские корабли:

адмиральский фрегат «Forte», 60 пушек;
корвет «Eurydice», 30 пушек;
бриг «Obligado», 12 пушек.

– Английские корабли: адмиральский фрегат «Président», 50 пушек;
фрегат «Pique», 46 пушек; и
«Virago», пароход 220 лошадиных сил, 6 пушек.

Итого: 204 пушки и более 2.000 матросов. Таковы были силы, которые, объединённые под командованием английского адмирала Прайса, главного из двух командующих, стали на якорь в боевом порядке в русской губе Авача.

Три вулканических пика, удивительно высокие и покрытые вечными снегами, окружают рейд по правой стороне: последний из них, Koselskoj или вулкан Awatscha (Путаница в названиях вулканов восходит к книге упомянутого А. О. Дюпти-Туара, посетившего Петропавловск в 1837 г. – *П. К.*), представляет совершенный конус, и, согласно Дюпти-Туару, высотой сравним с замечательным пиком Тенерифе: он всюду действует и постоянно выпускает облако дыма, от которого тает снег по краям кратера. Непосредственно у его подножия и находится порт, который нам пришлось атаковать.

Местонахождение губернатора и гарнизона Камчатки, Петропавловск, – помимо того, что одно из мест ссылки, куда Россия посылает солдат, уже подвергнутых истязаниям с отсечением ноздрей и ушей, это также порт стоянки китобойных судов Тихого океана и одна из баз Российско-Американской компании, образованной в начале века под покровительством царя Павла I для торговли мехами. Таким образом, этот маленький порт был значим даже в мирное время; с началом же войны он становился местом стечения новостей и превращался, по разумению наших адмиралов, в естественное убежище, где русские должны соединить свой флот и сосредоточить сопротивление.

Частично это подтвердилось: три русских военных корабля, фрегат «Аврора» сорока четырёх пушек и корветы шестнадцати пушек, «Камчатка» и «Двина», уже два месяца как прибыли в Петропавловск, взбодрив его и оказав содействие губернатору, генералу Завойко, в организации обороны; старые укрепления были восстановлены, новые быстро возводились, а их артиллерия была усилена половиной корабельного вооружения.

Ко времени нашего прибытия пять сильных батарей, размещённых в основном на холмах и вооружённых более чем тридцатью орудиями в насыпных укреплениях, закрывали все подступы к городу, дома которого были частично невидимы, скрытые этим естественным ограждением (т. е. холмами). Линия огня дополнялась тремя кораблями, превращёнными в плавучие батареи, готовыми стрелять половиной своих пушек через песчаную косу, лежащую перед ними, в середине единственного и тесного прохода, ведущего во внутреннюю гавань. Таким образом, порт, прекрасно защищённый уже самим положением, представлял из себя линию обороны из шестидесяти восьми орудий, а его гарнизон, считая моряков с фрегатов, составлял приблизительно восемнадцать сотен человек.

30 августа утром было принято распоряжение приблизиться к батареям и атаковать их. К полудню все корабли были в боевой готовности. «Pique» привязали к «Virago» справа, «Forte» слева,

«Président» пристроился позади парохота, который должен был отбуксировать три фрегата на их огневые позиции. Внезапно, среди торжественного молчания, царившего на кораблях, послышался выстрел. Через несколько минут последовал отбой всем приготовлениям: английский адмирал только что выстрелил из пистолета себе в область сердца.

В момент слабости, как он это заявил сам, неожиданная сила порта и страх неудачи, всегда строго осуждаемой в Англии, потрясли душу этого человека, хотя и весьма закалённого, и привели его к губительному решению о самоубийстве, беспремерном под огнём врага. Таково было объяснение, которое он по собственному побуждению дал несколько минут спустя, будучи перенесён на свою постель, вокруг которой напрасно суетились врачи.

Пуля проникла между шестым и седьмым рёбрами, снизу вверх, близко к средней линии тела. Вся помощь была тщетна, и несчастный адмирал умер четыре часа спустя; почти всё это время он сохранял сознание. Это обстоятельство, вкуче с медленным нарастанием симптомов кровопотери, с расположением внешней раны, позволяли думать, что доказала и аутопсия, что пуля достигла правого желудочка сердца: действительно, мы знаем, что при ранениях этого органа смерть наступает много быстрее, когда повреждены левые полости, нежели когда это касается полостей правой половины, которые содержат только чёрную кровь, медленно циркулирующую.

31-го французский адмирал, ставший главнокомандующим, возобновил атаку, прерванную накануне; корабли стали на якоря в шести кабельтовых (двенадцать сотен метров. – *П. К.*) от трёх главных батарей и открыли по ним плотный огонь, на который город сильно отвечал. Во время этой канонады «Vigaro» выгрузил на малом расстоянии от правой батареи форта, уже изрядно повреждённой, отряд из семидесяти пяти английских морских пехотинцев и семидесяти пяти элитных французских матросов (*Matelots d'élite* – аналог английской морской пехоты – *П. К.*), которых я получил приказ сопровождать. Защищённые огнём наших кораблей, бойцы бегом устремились на редут и захватили его под дождём ядер «Авроры», которые вынудили их вскоре эвакуироваться, однако же заклепав прежде орудия и разрушив укрепления; затем они покинули берег в правильном порядке и почти не понесли потерь после оживлённой перестрелки с русским отрядом, пришедшим, чтобы вернуть батарею.

Артиллерийское сражение против фортов продолжалось четыре часа: в середине дня половина их [русских] орудий были разбиты и выбыли из строя, под конец три батареи, успешно подавленные и разрушенные, были покинуты русскими.

Потери врага были значительны: мы видели, как с батарей уносили большое количество раненых и убитых: все удары нашей тяжёлой артиллерии были плодотворны, и если говорить только об одном корабле, то «Forte» выпустил восемьсот шестьдесят девять ядер. Русские, напротив, стреляли плохо; их калибр был меньше нашего, и многие из их снарядов достигали нас только рикошетом.

Потери французов свелись к одному убитому и десяти раненым; у англичан было убито двое и ранено одиннадцать.

Всё время, пока корабль ведет бой, врачи, так же, как и капеллан, не могут покинуть свой пост в трюме, превращённый в госпиталь: там со всех сторон разложены матрасы, приготовлены инструменты, корпия, бинты, деревянные вёдра с песком, в который втыкаются свечи, дабы освещать сложные операции. Мучительно тревожно ожидание момента, когда покажется спускаемая на талиях рама, заполненная ранеными с верхних палуб. В артиллерийских боях, ведущихся главным образом на большом расстоянии, количество пострадавших никогда не бывает значительным; но раны ужасны, это – отрывы частей тела, по большей части смертельные. Один из первых раненых, которые были доставлены в трюм «Forte» в ходе сражения 31 августа, был молодой бретонский матрос по имени Ошан (*Auchamp*): его левая рука и правое бедро были буквально унесены ядром в тот момент, когда он заряжал орудие. Вид культей, особенно бедра, был устрашающ; все анатомические части смешаны и разодраны в лохмотья разной длины, ткани словно пережёваны; между тем, бедренная артерия кровила с некоторой силой, и мы должны были осуществить прямое прижатие в треугольнике Скарпа с помощью хирургической печати и затем турникета (хирургическая печать – дословный перевод термина «*sachet chirurgical*». У Н. И. Пирогова это приспособление названо «дрючок» (от немецкого «*druck*» – «прижим; печать»). Дрючок ставили на глубоко залегающую артерию, а поверх крепко затягивали турникет – ленту с винтовой закруткой. – *П. К.*)

Явления ступора и окоченения, которые следуют обыкновенно за такими большими ядровыми отрывами, у этого человека проявились в чрезвычайной мере, как-то: мертвенная бледность, нитевидный пульс; он не выказывал никакой боли, не произносил ни слова и казался подавленным

(описана торпидная (по Пирогову) фаза травматического шока. – П. К.); он скончался, впрочем, очень быстро, менее, чем за час, и мы должны были поздравить себя с тем, что воздержались сразу же делать ему ампутацию. При таких тяжёлых увечьях, как правило, выполняется простая ампутация в первые же часы. Согласно Ларрею (Larrey, Dominique Jean (1766–1842) – главный медик наполеоновской армии, один из основоположников военно-полевой хирургии, всеми признанный авторитет. – П. К.) и магистрам медицинской науки, в этом заключен единственный шанс спасения раненого – сформировать культу вместо рваной раневой поверхности и предупредить последующие грозные осложнения, такие как язва, столбняк и вторичные кровотечения, весьма серьёзно угрожающие жизни. Но большие хирургические операции абсолютно противопоказаны, когда оцепенение и потрясение, достигнув высшей точки, не оставляют никакой надежды на успех, как в случае нашего молодого матроса: очевидно, раз уж этот несчастный человек скончался столь быстро без какого-либо вмешательства, то он умер бы ещё скорее, будучи подвергнут двойной ампутации, против чего, казалось, протестовало само его состояние.

Из прочих раненых одни были достигнуты ядрами на излёте, другие щепками, отлетавшими от бортов и мачт, пробитых снарядами во многих местах. У семи человек имелись ушибленные раны, в основном довольно серьёзные, головы и конечностей; инородные тела – к ним были применены методические перевязки с пропитыванием холодной водой в течение всего дня (превосходное средство, чтобы остановить развитие воспалительного процесса и предупредить сдавление, которое может произойти главным образом в членах, стянутых сильными апоневрозами). Было также три случая простых переломов руки или ноги, которые незамедлительно были вправлены и помещены в соответствующие аппараты, заготовленные нами в большом количестве.

На следующий день, 1-го сентября, корабли оставались вне досягаемости фортов: «Virago» направилась к бухте Tarinsky, в глубине рейда, где были совершены похороны английского адмирала. На пароход доставили трёх пленных – это были американцы, дезертиры с китобойного судна; опираясь на сведения, которые те сообщили, союзнические командующие решили на военном совете предпринять вторую атаку 4 сентября и дополнить её массированным десантом, коему вменялось захватить гору, представлявшуюся ключом к городу.

Этот день, 4 сентября, стал последним и наиболее кровавым эпизодом нашей кампании. С четырёх часов утра барабан призвал расчеты к огневым точкам, и десант, составленный из семисот пятидесяти человек обеих наций, переправился на пароход. Подведённые к берегу, фрегаты на этот раз стали на якоря в четырёх кабельтовых (восьмистах метрах. – П. К.) напротив обеих, ещё не тронутых батарей, защищавших пляж, где должна была произойти выгрузка. Обе стороны открыли ужасный огонь и продолжили его с нарастающей живостью; но борьба была неравной. Наши фрегаты имели многократное превосходство по качеству стрельбы, по калибру и числу орудий, и после героического сопротивления на протяжении трёх четвертей часа русские батареи, заваленные трупами, были разбиты, изрыты ядрами и принуждены замолчать.

Тогда наши бойцы сумели беспрепятственно высадиться и с трёх сторон взобраться на весьма крутые склоны горы; русские занимали его вершину и весь гребень; скрытые густой чащей, они открыли смертельный огонь сверху вниз по нападающим. Наши, хотя сначала ошеломлённые, сражались упорно и сумели даже энергичной атакой на момент овладеть вершиной; но скоро стало очевидно, что удержаться там невозможно. Наши потери, уже очень многочисленные, умножались с каждой минутой: английский капитан морской пехоты Паркер и французские капитан-лейтенанты Лефевр-Лакав-Лаплань (Lefebvre-Lacave-Laplagne) и Жикель де Туш (Gicquel des Touches) упали замертво на разных участках горы, двое первых – поражённые пулями в лоб, третий – в сердце.

Русские, бесконечно получавшие новые подкрепления из города, быстро возвращали себе высоту; командиры союзников приказали отступить; отступление к пляжу было выполнено без спешности, в оборонительном бою.

Фрегаты обстреливали гору картечью, не давая русским приблизиться и препятствовать возвращению шлюпок; всё же эта операция была очень тягостна: наши лодки, открытые и нагруженные людьми, могли вернуться к кораблям только под градом пуль, обрекавших нас на новые потери. Самая большая из шлюпок, превращённая в санитарный транспорт и заполненная ранеными, пострадала больше всех: капитан-лейтенант Бурассе (Bourasset), который ею командовал, пал, сражённый пулей, коя вошла через правое плечо и вышла из левого бока, пересекши всю грудь наискось; в тот же момент смертельные удары настигли одного нашего санитаря и троих, уже раненных; наконец у одного из врачей, находившихся там же, г-на Герен-Менвиля (Guérin-Méneville) с «Eurydice», была разбита пулей правая рука.

Общие потери соединённой эскадры 4 сентября составили двести тридцать один человек вышедших из строя из семисот пятидесяти десантировавшихся: следовательно, достигли почти трети – огромная цифра, если сравнить с врачебной статистикой ряда современных сражений, например, на Альме, где французская армия, выставив пятьдесят тысяч человек, из них потеряла только тысячу тридцать девять, то есть лишь каждый пятидесятый был убит или ранен.

ПРИРОДА И КЛАССИФИКАЦИЯ РАН

Полученные по большей части в ходе десантной операции раны могут быть разделены на четыре категории:

1. *Раны ядрами.* – В утреннем бою против фортов несколько ядер заделали наши мачты и пробили борта; палуба «Forte» была усеяна объёмными взрывами (*éclats volumineux*), которые поранили несколько людей и сломали руку унтер-офицеру. На «Président» раскидало взрывом прислугу одной из пушек – пять человек было убито или серьёзно покалечено. Но ничем особенным, на что бы следовало обратить внимание, эти ранения не отличались, и мы не добавим ничего к тому, что сказали выше по поводу увечий, производимых ядрами: это были всякий раз серьёзные контузионные травмы или обширные раны, из которых некоторые потребовали долгой и аккуратной обработки; во всех случаях отмечались местное оцепенение и общее потрясение [шок].

2. *Ожоги.* – У нас был только единственный случай ожога; хоть, по счастью, ограниченный второй степенью, но весьма тяжёл и опасен для пострадавшего – это был аспиран с «Eurydice»; заскочив на русский форт, он упал на оставленный пакет зарядных картузов, который и взорвался; этого молодого офицера отбросило на несколько футов, он упал на землю с обожжёнными порохом лицом, шеей и руками. Реакция была живой чрезмерно: в первые сутки пришлось дважды пустить ему кровь. Эти ожоги мы пользовали первые дни наложением чёсаного хлопка, затем компрессов с масляно-известковым линиментом. Выздоровление было полным по истечении шести недель; шрамы на лице мало его исказили, и осталась только лёгкая ретракция (стяжение) в руках, почему мы предприняли предосторожность плоско фиксировать их планками с захватом пальцев.

3. *Раны колющим и рубящим оружием.* – Раны этого рода были очень редки: тесных схваток было мало; всё же нам пришлось наблюдать штыковые удары у троих из наших пациентов. Эти раны, расположенные на мягких частях руки и бедра, имели неправильно овальную или треугольную форму. Затрагивая только кожу и мышцы, они выглядели лёгкими ранениями, тем не менее, заставили немало потерпеть, и два из них стали местом значительного вздутия, что вызвало необходимость разрезов.

4. *Раны, произведённые пулями.* – Согласно характеру боевых действий, раны, причинённые пулями, должны были быть – и были в действительности – наиболее многочисленны: они составили девять десятых из общего числа ран, и именно они дали нам самый обширный материал для наблюдения.

Снаряды, использовавшиеся русскими, были сферическими пулями крупного калибра; проникали они главным образом в одном и том же направлении – сверху вниз. У людей, раненных на холме, они чаще представляли собой два отверстия: входное, меньшее диаметром, чёткое, в виде плоской воронки, и более широкое выходное, с приподнятыми и рваными краями. На излёте, потеряв из-за большого расстояния часть своей силы, пули производили только единственное отверстие, оставаясь в мягких тканях или во внутренних полостях, либо же отражаясь от искривлённых костных пластин (черепа, ребра) и продельвая подкожные каналы. (Двенадцать случаев.)

Локализация ран. – Области тела, поражённые пулями, были следующие:

Голова. – Два офицера были убиты наповал на суше пулями, попавшими в лоб. На корабле к нам был доставлен матрос, чья левая теменная кость была прострелена пулей, засевшей, вероятно, в мозгу; этот матрос умер лишь по прошествии двенадцати часов. У одного из офицеров с «Eurydice» имелась рана *черепа*, отделившая волосистой покров и обнажившая кость от лобных бугров до макушки; у него были явные признаки шока, но через несколько недель он выздоровел: в течение ряда дней к нему применялись холодные перевязки.

У двух человек наблюдались раны *лица*, устрашающие на первый взгляд, но более тяжёлые на вид, нежели по сути; действительно, кости лица по большей части многослойны и губчатые; они образуют или заключают в себе полости, благодаря этому повреждающий снаряд не проникает далее и не производит сотрясения черепа и мозга. Но часты осложнения в виде неожиданного воспалительного отёка всего лица и кровотечений, происходящих из многочисленных ветвей внутренней верхнечелюстной артерии (*arteria maxillaris interna*). У одного из наших людей по фамилии Идель

(Hidel) входное отверстие пули виднелось у левого крыла носа, то есть пуля должна была проникнуть в лицевые пазухи. Ввиду сильной болезненности поиск пули пришлось оставить; носовую полость тщательно заткнули корпией, смоченной в холодной воде, и дважды больному сделано кровопускание. Воспалительный отёк сошёл очень быстро, а два месяца спустя пуля проявила себя нарывом по низу правой околоушной области.

Туловище. – Число ранений *шеи и туловища* составило около тридцати.

У матроса Балад (Balade) основание шеи прострелила пуля, которая прошла навывлет, задев пучки шейного сплетения; кровотечение было лёгким, но боли чрезмерными, и рука почти полностью лишилась движений на три с лишним месяца.

В груди большое количество пуль отклонились, как я о том сказал, и проделали кривые каналы под кожей; пять или шесть пронизали грудь, и во всех этих случаях раненые скончались более или менее быстро от последовавшей пневмонии: единственный, по фамилии Тулек (Toules), у которого правое лёгкое было пробито насквозь, выжил; выдав в первый день обильное и пузыристое кровотечение с отхаркиванием розовой крови и пены, он вскоре выказал признаки несомненной травматической пневмонии, которая однако вылечилась кровопусканиями и обычными хлопотами; долго не заживала свищевая рана, из которой вышел в конце концов круглый клок ткани от его рубашки.

В брюшной полости все раны без исключения были смертельны; наиболее значителен случай Мину (Minhou), марсового с «Forte». Этот человек получил пулю, которая, войдя ниже спины, прошла через весь таз до противоположной стороны, где она ощущалась через кожу живота и брюшину. Боли были невыносимые, по всей брюшной полости и в пузыре, на который воздействовало инородное тело; огромное излияние должно было сделаться в животе; и всё-таки этот человек, одарённый атлетической силой, сопротивлялся более пятнадцати часов: он упорно отказывался от извлечения пули, которое могло бы его утешить, но не спасти.

Один матрос с «Obligado» представил довольно редкий случай пересечения пульей полового члена и *мочеиспускательного канала*. Этому повреждению последовала череда малых кровотечений, которые поддавались прямому прижатию; в канале постоянно оставался зонд, и заживление в результате было полное.

Прочие пули попали в конечности, и раны были трёх категорий. В небольшом количестве случаев, наиболее благополучных, снаряды засели в толще конечностей, не ущемляя ни органов, ни значительных сосудов: обычно они легко удалялись прямо либо через контрапертуру [дополнительный разрез]; в противном случае оставались в тканях, где создавали себе изолированное ложе (два случая). У шести других пули прошли через конечности навывлет; в четырёх случаях никакого серьёзного расстройства не было, и два разреза содействовали выздоровлению, подобно простым ранам; но двое из этих раненых скончались от столбняка.

Главная артерия конечности была рассечена в двух случаях, и нам пришлось осуществить *перевязку плечевой артерии в локте* (на «Obligado») и бедренной (на борту «Eurydice»). Первая из этих операций имела полный успех; во другом случае понадобилась повторная: из-за начавшейся цинги нарушились пластические свойства крови, и сосуд не успел зарости ко времени отпадения лигатуры, по необходимости наложенной очень высоко. Здесь мы вынуждены были прибегнуть к перевязке наружной подвздошной артерии, на этот раз вполне удачно, после чего движения конечности восстановились, хоть и довольно медленно. (Ségalen, помощник старшего каноника с «Eurydice».)

Наконец, в последней категории – пули, которые пройдя через конечности, произвели *оскольчатые переломы костей*, простые или сложные: у нас было семь случаев такого рода, из них особенно серьёзны три, в запястье и в предплечье, с раздроблением запястья и нижнего конца лучевой кости (у матросов Гильмо, Керне и Дюбо – Guillemot, Kernéis, Dubos), к коим следует добавить нашего коллегу Герена (Guérin), который имел, на уровне локтевого сустава, раздробление костей локтевой и лучевой. У англичан были даже два офицера, лейтенанты Говард и Палмер (Howard, Palmer) с оскольчатыми переломами плечевой кости.

Именно во всех этих случаях было применено *холодное и непрерывное орошение*. Предполагалось этим средством сократить количество *ампутаций*, по прежним предписаниям обязательных для всех конечностей с оскольчатым переломом главной кости. Успех был полон у всех раненых, выше названных, и результаты оказывают большую честь *консервативной хирургии*.

Под влиянием холодных обливаний, проводившихся на протяжении от месяца до двух, мы видели, как боли, всегда беспокоящие при таких повреждениях, быстро отступали; раны, весьма безобразные вначале, хорошели; струпы отпадали быстро; осколки кости, весьма многочисленные, выходили без осложнений, и заживление подвигалось семимильными шагами.

Орошение осуществлялось, по мере возможности, при помощи губки, которой часто смачивались повязки, покрывающие раны. До полного заживления использовалась исключительно пресная вода температуры окружающей среды. Но, как показал опыт, когда раны зажили и переломы срослись, морская вода имеет преимущества – лучше снимает отёк и восстанавливает своим тоном ухудшенные или утраченные движения.

Вот с таким большим количеством раненых 7 сентября мы покинули Камчатку и снова пустились в море; в тот же день, едва выйдя с Петропавловского рейда, англо-французская эскадра захватила два русских военных транспорта – «Sitka» и «Anadir», доставлявшие боеприпасы и войска для города. Экипажи и солдаты, захваченные с этих судов, были распределены на наших кораблях и ещё более увеличили тесноту наших батареинных палуб, уже заполненных ранеными.

Путешествие сделалось мучительным из-за бурного моря, крайне холодной температуры при большой влажности: термометр постоянно оставался ниже нуля, а атмосферные перемены были беспрестанны. В этих неблагоприятных условиях у многих из наших раненых вскоре развились два губительных осложнения: *цинга* и *столбняк*, которые унесли жизни пяти или шести человек, и против которых мы использовали с некоторым успехом, в первом случае – перевязки с терпкими отварами (в оригинале «*ransements vineux*» – «крепкие перевязки»: французская медицинская энциклопедия того времени рекомендует промывать цинготную язву «крепким отваром из горьких растений», например: хина, горечавка, хрен, ложечница, репейник, английский шпинат и др.; те же травы следовало принимать внутрь, настояв на белом вине. – П. К.) и угольный порошок в сочетании с хиной и камфарой на раны, принявшие серый оттенок; против второго недуга – несколько хороших результатов дали опиаты, ртутные растирания и хлороформ в высокой дозе.

Тридцать пять дней спустя мы прибыли в Сан-Франциско, что в Калифорнии: из семидесяти больных, предоставленных нашему попечению, французская эскадра потеряла восемь-десять.

Таковы наблюдения, что довелось мне собрать за эту столь тягостную и обильную смертями кампанию. Меня можно упрекнуть за то, что кое-где вышел из роли сухого медицинского историка; но трудно было умолчать некоторые подробности и отрешиться от воспоминаний, живых ещё в моей памяти, по поводу дела, в коем я на всём протяжении принимал скромное, но активное и преданное участие.

Впрочем, среди больших событий, привлекавших тогда все взгляды к Балтийскому и Чёрному морям, этот эпизод, который вдали, на другом краю света предшествовал несколькими неделями сражению на Альме, остается довольно плохо известен и строго осуждаем; хотя его и следует признать неудачей, почти единственной в борьбе союзников против России, но ведь имела и достойная уважения оборотная сторона; по крайней мере, и Камчатская экспедиция заслуживает быть реабилитированной теми усилиями, о которых было сказано, всевозможными трудностями, которые она встретила, всей кровью, щедро пролитой в её развязке.

II

Генри Треван (Henry Trevan, 1808–1880), уроженец Корнуолла, учился медицине в больнице Св. Варфоломея в Лондоне. 30 лет служил на военных кораблях, достигнув звания флагманского врача (Fleet Surgeon). После отставки был мировым судьёй в Падстоу. Семья не завёл. 12 июля 1880 г. повесился – по заключению следствия, вследствие «расстроенного состояния рассудка».

Дневник Тревана за период службы на «Virago» (1852–1854 гг.) хранится в Национальной библиотеке в Оттаве (Канада); не опубликован; изображения страниц доступны в Интернете (3). Язык доктора лаконичен и незатейлив, а почерк тороплив и временами очень мелок. Выражаю благодарность жителю Оттавы Борису Абрамовичу, который переснял важные для нас страницы в лучшем разрешении.

Помещаем фрагмент дневника, выпуская некоторые малоинформативные строки.

«Вторник, 15 авг. Следуем от Сандвичевых островов курсом на Камчатку. Прошлой ночью в тумане французский корабль «Eurydice» разошёлся с остальной эскадрой. Днём туман прояснился на несколько минут. Ветер SSW.

Среда, 16 августа. Весь день сильный дождь и густой туман. Стреляем из пушек и звоним в колокола каждые десять минут. Вечером в первую вахту сильный ветер от SSO. Термометр 60. Предстоящий путь 644 мили.

Четверг, 17 августа. Прекрасная погода, горизонт ясен, очень легкий бриз. Пополудни тихо, пришлось на час расцепиться с «President» во избежание столкновения. Термометр 65.

Пятница, 18-е. Погода прекрасная. Ветер SSO. Больных мало. (Number in the sick list fine.) Термометр 58.

Суббота, 19-е. Ветер встречный. Продвигаемся очень мало. Корабли держатся вместе, «Vigago» на буксире.

Воскресенье, 20-е. Утром богослужение. Штормовой ветер от WSW. Около 3 часов пополудни, при рифлении марселей на «President», с фор-марса-рея упал матрос в открытое море. С него («President») и «Vigago» тут же брошены спасательные буи, спущены шлюпки с гребцами. Но матрос после падения в воду не подавал признаков жизни – видели, как его несёт в нескольких футах под водой мимо «Vigago», и затем он исчез. После Сандвичевых островов уже два матроса с «Pique» падали за борт, но тех обоих спасли.

Понедельник, 21 августа. Штормовой ветер от WSW. Корабль следует NNW. Ясно, без осадков. Температура холодная и неменяющаяся. По-прежнему на буксире «President».

Шир. 51-12 N. Долг. 164-13 O.

Впереди 220 миль.

Вторник, 22-е. Туман, штиль. На борт «Vigago» прибыл адмирал Прайс. Обыденные стрельбы из больших орудий.

Среда, 23-е. Дождь и туман. Продвижение очень малое. Лёгкое веяние от SSW.

Четверг, 24-е. Достигли окрестностей Петропавловска. Сильно дует с востока, с дождём. Держимся в море около 30 миль от берега.

Пятница, 25-е. Ветер и погода по большей части как вчера. Эскадра движется переменными курсами, к Петропавловску и обратно. Вечером к эскадре присоединился французский фрегат «Eurydice».

Суббота, 26 августа. Дует сильно от востока. Погода туманная. Ходим переменными курсами, к Петропавловску и обратно. Полагаем себя в 30-40 милях от берега.

Воскресенье, 27 августа. Погода как вчера. В течение дня видели землю, но недостаточно ясно, чтобы опознать для подхода.

Понедельник, 28-е. Утро умеренно ясное. Разглядели вход в гавань Петропавловска. Адмирал Прайс прибыл на борт «Vigago». Подняли пары и пошли в Авачинскую бухту, в которой находится Петропавловск. Вошли под американским флагом для разведки. Увидели там фрегат и несколько других судов, все укрыты в гавани. Адмирал усиленно рассматривал батареи. Наш заход вызвал большое волнение обитателей. На батареях и высотах стояли в ряд люди. Получив общее представление о неприятеле и его позициях, мы воротились из бухты и примкнули к эскадре.

Вторник, 29-е. Рано утром пошли к гавани вместе с эскадрой. В кругу неприятеля, начиная с 7 часов утра, когда батареи открыли по нам огонь. «Vigago» ответила несколькими выстрелами. Стали на якорь в бухте.

Среда, 30-е. Эскадра на якоре около 2½ мили от города. В открытом море замечен парус, поэтому «Vigago» вышла из бухты выяснить, что это. Когда мы выходили, минуя маяк, батарея по нам выстрелила. «Vigago» послала ответный снаряд. Не обнаружив в море паруса, «Vigago» повернула к эскадре и снова обменялась выстрелами с маячной батареей. В полдень «Vigago» подошла к левому борту «Pique», имея «President» на буксире за кормой, и уже готовилась взять левым бортом французский флагман «Forte». Неожиданно был дан сигнал отдать якорь: оказалось, адмирал застрелился. Атака отложена. Меня сигналом вызвали на «President». Я узнал, что адмирал застрелился из пистолета, пуля вошла в область сердца – адмирал был в сознании, но я чувствовал, что рана смертельна. Он умер через час после того, как я покинул его в 5 часов пополудни (из фразы неясно, умер ли адмирал в 5 или в 6 часов. – П. К.) «Vigago» оставалась всю ночь принайтованной лагом к «Pique».

Четверг, 31 августа. В 5 утра от левого борта «Pique» перешли на правый, обойдя корму. Приняли на борт «Vigago» морскую пехоту с «President'a» и пятьдесят французских моряков, в десантную партию. С 5 до 7 брали на буксир «President» и французский флагман. С принайтованным к левому борту «Pique», французским флагманом по правому борту «Vigago» и с «President'» на буксире за кормой проследовали к батареям

8-45 – Отпустили «President» и «Forte». 8-55 – Отпустили «Pique». Батареи стреляли по кораблям, и корабли стреляли по батареям. «Vigago» проследовала к берегу и высадила стрелковую партию с морскими пехотинцами. «Vigago» прикрывала десантный отряд и ответно обстреливала два русских корабля во внутренней гавани, и форты, и неприятельскую партию, надвигавшуюся на нашу стрелковую партию. С эскадры на берег послано подкрепление.

В 11-45, когда «Vigago» прикрывала стрелковую партию, в корму слева ударило ядро чуть

ниже ватерлинии, пробило корпус и образовало течь – за 5 минут прибывало 13 дюймов воды. Стали вне досягаемости береговых батарей и кораблей противника и заткнули пробоину. 12-30 – Стрелковая партия вернулась на корабль, будучи отозвана после выведения из строя одной трехпушечной батареи. В 1-20 пополудни французский флагман «Forte» и в 2-40 «President» переместились ближе и возобновили бой против кораблей и батарей.

Пятница, 1-е сентября, Петропавловск. В 3 часа пополудни «Virago» доставила тело адмирала Прайса в Тарьинскую бухту, и похоронили его под берёзой на берегу недалеко от моря [on a bank near the sea]. Взяли здесь нескольких американцев, которые рубили дрова. Эти парни сбежали с китобойцев и рубили дрова, чтобы оплатить себе дорогу в Гонолулу. В 6 часов «Virago» вернулась к эскадре, стоявшей на якоре в Авачинской бухте.

Суббота, 2-е. На якоре в бухте.

Воскресенье, 3-е. «Virago» исправляла повреждения, особенно большую пробоину.

Понедельник, 4 сентября. Около 3-30 пополудни подошли лагом к «President» и взяли его на буксир. С ним на буксире подошли лагом к «Forte» и взяли на буксир её. В 6-30 на кормовой палубе «Virago» собралась десантная партия со всей эскадры. В 7 часов проследовали к Перешеечной батарее. 7-10 – началась перестрелка с неприятелем. 7-30 – отцепили «President» напротив Перешеечной батареи. 7-40 – «Forte» отдала якорь против батареи правее города. 8-00 – батареи подавлены фрегатами и «Virago». Десантная партия оставила «Virago» и высадилась под ружейным огнем. Бесперывный обоюдный огонь во время движения соединённой партии к городу. 8-30 – над неприятельским фортом показался английский флаг. 9 часов – две шлюпки вернулись с ранеными. Вскоре после «Obligado» отдали якорь близ берега. Увидели, что соединённая партия отступает. С кораблей открыли огонь по стрелкам неприятеля, сильно донимавшим. Постоянно подходили шлюпки с ранеными, последняя около 10-30. Было высажено около 800 человек, которые вскоре завязли в кустарнике и были отброшены неприятелем; соединённая эскадра потеряла 192 человека убитыми и ранеными.

Четверг, 5-е. Пошли в Тарьинскую бухту хоронить мёртвых. Капелланы английские и французские отправились на «Virago» для исполнения обрядов, соответственно, религии французской и английской. Люди были похоронены недалеко от английского адмирала. Взяли запас дров, воды и 7 американцев, желающих плыть в Америку. Это были оставшиеся, кроме тех, которых мы взяли на том же месте несколькими днями прежде. Один из них был наполовину немец, он сбежал с американского китобойца года полтора назад, на юго-западе Камчатки и прошёл пешком почти двенадцать сотен миль, чтобы добраться до Петропавловска, иногда неделями не встречая живой души на пути, питался кореньями, и лишь изредка удавалось поймать мелкую зверушку. Очень тревожили медвежьи следы. Эти животные были иногда упрямы, и никак не удавалось их отпугнуть.

Среда, 6-е сентября 1854. На якоре в Авачинской бухте. Погода не очень обнадеживающая. Ветер и густой туман вместе с дождём. Готовились к завтрашнему отплытию. Вечером видели парус за воротами гавани, но поскольку было уже поздно и погода плохая, «Virago» в погоню не пошла.

Четверг, 7-е. Ветер переменялся и уже позволял эскадре выйти под парусами, которые подняли все, кроме «Virago». Как только корабли вышли в открытое море, ясно увидели два судна, «Virago» пустилась в погоню за шхуной и вскоре настигла – выяснилось, это губернаторская яхта из Петропавловска, возвращается из города Камчатска, имея на борту трёх офицеров и 27 матросов. Другое судно захвачено «President» после нескольких часов погони – это была «Ситха», купеческое судно с грузом снабжения и десятью тысячами фунтов пороха на борту. На нём находились полковник артиллерии и примерно 35 моряков. Прежде, чем мы взяли шхуну, густой туман подошёл на пушечный выстрел; когда же мы решили отбуксировать её для разгрузки, туман подступил к кораблю вплотную, так что мы не видели далее четверти мили. Одним из офицеров был юный морской кадет, проведший в море месяц; на борту была женщина, также несколько волов и большое количество оружия.

Пятница, 8-е. По-прежнему близ берегов. Горы покрыты снегом. Юг Авачинского залива. Забрали почти всё со шхуны, название которой «Ana D» [«Анадырь»], и затем предали её огню. Оставили её горящую. Вечером под парами подошли к «President», и этот корабль взял «Virago» на буксир. «Virago» погасила топки, чтобы побереечь уголь.

Суббота, 9. На буксире «President», следуем курсом к острову Ванкувер вместе с французской и английской эскадрой.

Суббота, 10. Штормит и дождь. Ветер от NNO.

Понедельник, 11-е. Ветер от NW. Вечером при буксировке за «President» оборвали буксировочный конец.

Вторник, 12-е. Сильный ветер с SSW. Снова взяты на буксир «President».

Среда, 13-е. Ветер и погода успокаиваются. Вечером снова потеряли буксирный конец и всю ночь шли в одиночку.

Четверг, 14-е. Утром снова быстро приняли буксир с «President». Вечером умер Джордж Джулиер (George Julier). Исследование Post Mortem [посмертное] показало, что пуля прошла через левое лёгкое, разможив его, разбила 2-е ребро справа и грудину и, наконец, угнездилась в шейке лопатки. Пуля изрядно сплющилась и покорёжилась, пробив нагрудную пластину и два ремня прежде вхождения в грудную клетку.

Пятница, 15 сентября 1854 г. Следуем из Петропавловска курсом на остров Ванкувер. Ветер и погода прекрасные. Семь кораблей, включая приз («Ситху»), идут вместе. Предали пучине тело Джорджа Джулиера, артиллериста Королевской морской пехоты. Это был красивый молодой мужчина лет 23; он участвовал в обеих экспедициях «Virago» на Дарьенском перешейке и, вообще, был смелым парнем. Когда его, раненого, доставили на борт, он пришёл ко мне и сказал: «Ах, доктор, они меня всё-таки прикончили».

<...>

Вторник, 19-е. Ветер S. Дождь. С «President» на «Forte» передано сообщение. После чего «Forte», «Eurydice» и «Obligado» пошли в Сан-Франциско. «President», «Pique», «Virago» и «Ситха» пошли на о. Ванкувер. «Virago» на буксире за «President».

Среда, 20-е. Лёгкий шторм с запада с утра к вечеру окреп, так что два буксирных конца были отданы. Тогда «Virago» прибавила парусов, чтобы уходить от шторма.

Четверг, 21 сентября. Сильный штормовой ветер с запада. Идём под фок- и грот-марселями, взяв на них по два рифа. Вечером [капитан] «Pique» сэр Фредерик Николсон назначил нам randevu – бухту Эсквимолт на о-ве Ванкувер. Суда разошлись.

Пятница, 22-е. Сильный шторм от W, сопровождающийся очень большим волнением и длинным ветровым накатом. На марселях взяты все рифы. В ночную вахту мичман Моррис (Morris) и морской пехотинец Айзек Фиск (Isaac Fisk) отравились, напившись раствора хлорной извести. Если бы не усердная и своевременная помощь, дело могло обернуться очень серьёзно. Ввиду недостатка воды м-р Моррис страдал от жажды и, найдя склянку с жидкостью, предположил, что это вода, а это была склянка с хлорной известью. Он налил полный стакан и выпил почти половину, прежде чем обнаружил, что он такое пьёт, тогда он бросил стакан и побежал на палубу. Морской пехотинец видел, как тот выпил стакан, предположил, что это, должно быть, джин с водой, и подумал, что ничего не случится, если он тоже отхлебнёт малость нечаянной благодати... Этот Фиск изрядный пьяница и принял внутрь больше, со своим умением.

<...>

Воскресенье, 24-е. Утром богослужение. Сэмюэл Сарджент (Sam-l Sargent), кочегар, раненый в голову в Петропавловске, очень плох от расстройства мозга.

<...>

Пятница, 6-е [октября; уже у американских берегов]. Рано утром направились в Нанаимо и прибыли туда около полудня. Долго оперировал трепаном на черепе Сэмюэла Сарджента, раненого в голову мушкетной пулей в Петропавловске. По удалении части теменной кости из раны вышел гной.

Суббота, 7-е. Загрузка судна углем с помощью великого числа каноэ.

Воскресенье, 8-е. Аборигены доставляют на корабль много оленьих туш, лосося, гусей и уток. Богослужение.

Понедельник, 9-е. В это утро, в 7 часов, Сэмюэл Сарджент умер. Исследование Post Mortem показало большую трещину через лобную и теменную кости. Скопление гноя между костями [череп] и dura mater (твёрдой мозговой оболочкой).

Вторник, 10-е октября 1854. Примерно шестьдесят каноэ возят уголь на корабль; хотя они берут за раз помалу, большим числом и скоростью хода они быстро перевозят сотню тонн. Сэмюэл Сарджент, кочегар, погребён этим утром в лесу, место окружено высокими соснами. Он был родом из Барнстапла».

III

Наконец, **Джеймс Николас Дик** (James Nicholas Dick, 1832–1920). После врачебной службы на кораблях, участия в нескольких войнах он получил пост генерального директора Военно-морского медицинского ведомства (1888–1898). В 1902 г. на коронации Эдуарда VII королю были представлены, в числе прочих, сэр Джеймс Н. Дик, Рыцарь-командор ордена Бани, и леди Дик.

Но в 1853–1855 гг. Джеймс был темпераментным молодым человеком, врачом-помощником фрегата «President»; в дневник вклеены карикатурные зарисовки из моряцкой жизни, акварельное изображение корабля, гравюры из «Illustrated London News». В дневник вписаны даже песни, иллюстрирующие настроение команды – одна из них непосредственно предшествует нападению на Петропавловск, другая последует ему.

Награждений за неудачную кампанию английские моряки не получили, но всё же Дж. Н. Дик был особо отмечен за выхаживание большого числа раненых.

Дневник принадлежит библиотеке Йельского университета (США) (DA88.1.D53 1853 James Nicholas Dick (1832–1920), leaves 1r – 71v, from Journals of James Nicholas Dick, British naval surgeon, and James Douglas Dick, naval officer, 1853–1898, pen and ink, watercolor, Yale Center for British Art, Paul Mellon Fund – *П. К.*), электронная копия любезно предоставлена Камчатской краевой научной библиотеке им. С. П. Крашенинникова при неоценимом содействии Natali Hen, (Australia). Ранее не публиковался.

«17 августа 1854 г.

Песня, написанная по случаю Русской войны на Тихом океане и посвященная команде “Президента”

Не время горе горевать,
Британии сыны.
Фрегатов русских паруса
Вдали уже видны.
Бей, барабанщик, “по местам”,
Приходит славы час.
Стоит за правду сам Господь,
А значит, он за нас.

На зверя косолапого
Обрушим ядер шквал,
Чтобы в берлогу спрятался
И носа не казал.
Хлебнут в избытке русские
Британского огня,
И кровью отольётся им
Синопская резня.

Пускай далёк родимый дом,
Но ждёт красотка Полли.
Она уверена, что Билл
Военный долг исполнит.
Пускай черно его лицо
И голос его груб –
Надёжно сердце моряка,
Как корабельный дуб.

К орудиям, друзья мои,
Гляди во все глаза,
Пусть ваши выстрелы разят,
Как Божия гроза.
Ударим залпом бортовым –
Британия, гордись! –
Сползает тряпкой русский флаг,
А наш взлетает ввысь.

Восславят победителей
Родные берега.

Набиты русским золотом
Карманы моряка!
Красотка Полли счастлива:
Её отважный Билл
Не посрамил своей земли
И всех врагов разбил!

Но чу! Сигналят “по местам”;
Всё ближе злобный враг.
Будь хладнокровен и суров,
Британии моряк.
Да будет этот славный бой
Уроком для царей:
Британия, Британия –
Владычица морей!

18 августа. После полудня, когда эскадра рифила марсели, “Pique” поднял богослужебный вымпел (church pendant) – сигнал «Человек за бортом». Мы незамедлительно убавили паруса и быстро спустили шлюпку. К общей радости, вскоре над вымпелом поднялся британский флаг, сообщая, что человек спасён. Хороший бриз, почти по курсу.

19–20-е. Бриз не меняется, попутный. В полдень расстояние до Петропавловска 336 миль. Печальное происшествие случилось в полчетвёртого пополудни, при взятии рифов на марселях. Гарри Баунд (Harry Bound), грот-марсовой старшина (Capt of main top), прекрасный молодой человек 28 лет, один из лучших на корабле, упал за борт, с грот-марсовой реи. Брошены оба спасательных бую, спущена шлюпка, корабль лёг в дрейф. Тело видели за кормой, похоже, он был оглушён и никак не пытался спастись. Мы легли в дрейф так быстро, что “Virago”, шедшая за нами на буксире, едва не наскочила на нас. “Virago” также спустила шлюпку; обе шлюпки безуспешно искали его некоторое время и вернулись в печали. Люди на “Virago” сказали, что видели, как он погружался под нос их корабля.

Подняли паруса и легли на прежний курс. Море беспрерывно волнуется, вода чрезвычайно холодна.

Страшно видеть человека за бортом. Он взбирался на снасти в полных силах и здравии – и вдруг он изъят из нашего мира, и мы его не видим более. Он ушёл навсегда, его место пусто. Вам не хватает его на каждом шагу, ваши уши по-прежнему готовы услышать его голос. Ваш соратник по трудным ночным вахтам, когда он делился планами на будущее и ободрял вас своим голосом; ваш сотрапезник, ваш друг, ваш брат ушёл во мгновение и пропал навсегда в чёрно-синей бездне, «откуда ни один не возвращался». (В кавычках – цитата из монолога Гамлета. – П. К.)

Вечером ветер очень свежий и сильное волнение. Очень холодно, и кажется, холоднее с каждым узлом к западу.

21-е, понедельник. Находимся на широте Портсмута. Очень холодно, бриз хороший, переменам фор-марсель.

24-е, четверг. Очень дождливо. Последние три дня находимся в 38 милях от Петропавловска. “Eurydice” нами до сих пор не встречена, но предполагаем встречу в точке рандеву, куда рассчитываем прийти к вечеру. К сражению всё готово, и, пока не увидим русских, делать нам больше нечего.

25-е. Поднялся сильный ветер, с проливным дождём и высокой волной, притом туман. Вечером повернули через фордевинд к зюйд-осту. Ветер в берег, почти штормовой. Взяли три рифа на марселях, меняли галсы. Утром на четвёртой склянке всей эскадрой повернули через фордевинд к норду. Ходим вдоль берега туда и обратно, не заходя в Петропавловск. Очень приятная работа – крейсировать побережье Сибири. Барометр падает, ветер и волна поднимаются. Очень влажно и дождливо. В первую дневную вахту, на второй склянке, замечен парус (Sail Ho!) по наветренному крамболу. Туман сгушался, дали сигнал на “Pique” прибавить парусов и настигнуть незнакомца. Но тот сам держит к нам – узнаём в нём пропавшую “Eurydice”. Сейчас мы находимся близ мыса Cape Gaveriere [??]. Эскадра через фордевинд повернула на SSO.

26-е. Очень холодно и дождливо, ветер поднимается, волна тоже. Петропавловск в 70 милях, на North.19.West.

Мы не рискуем входить в Петропавловск при таком ветре, имея под ветром скалистый берег.

Отдали буксир “Virago”. В 4 пополудни эскадра через фордевинд повернула к NO. Очень пасмурно, туман, проливной дождь. В 9 утра вновь повернули и встали SSO. Дождь и ветер продолжают весь день, не переставая.

27-е, воскресенье. Провели богослужение в салоне (fore-cabin – в задней части батарейной палубы, но кпереди от after-cabin – личных кают капитана и адмирала – *П. К.*). Утром на 1-й склянке эскадра повернула и стала NtW [норд-тень-вест; чуть западнее, чем прямо на север]. Ветер несколько утих. В полдень стало проясняться. Расстояние до Авачинской бухты (Awatska Bay) 70 миль.

28-е. Эскадра ночью повернула и утром достигла входа в Авачинскую бухту. День ясный, видны снежные вершины гор. Вилючинский (Viluchintsky) – самая высокая и самая красивая.

В 9 утра обнаружили маяк, сигнальный пост и сигнальную пушку. Ветер пропал. Адмирал на “Virago” отправился в бухту для рекогносцировки. “Virago” вернулась только в 11 вечера, выяснив, что город весьма сильно укреплен батареями, а в малой гавани стоят «Аврора» и «Двина», каждая с вооруженным бортом.

29 августа. Сегодня вошли в Авачинскую бухту. Проходя маяк, приняли боевую готовность, стали на якорь примерно в двух милях от города Петропавловский Острог, во внешней гавани. Когда “Virago”, посланная разведать расположение, проходила мимо «Перешеечной» батареи, та выстрелила по ней ядром, “Virago” ответила, последовала шумная канонада, не причинившая никому вреда.

Настала ночь, и нам сказали, что наутро мы сразу атакуем батареи. (См. расположение батарей на карте. – примеч. Дж. Н. Дика. Карты в дневнике нет.)

31 августа. С четырех часов все и вся были в движении, готовясь к бою.

В 8 утра дозорный заподозрил парус вне гавани, “Virago” отправилась в разведку, но ничего не обнаружила. Пушка с маяка выстрелила по “Virago”, та ответно пустила бомбу и смела их с маяка.

В 2 часа дня “President”, “Pique”, “Forte” и “Virago” снялись с якоря, пароход должен был буксировать корабли и поставить против батарей, а затем высадить морскую пехоту.

В этот момент случилась смерть адмирала Прайса от пушечного выстрела. М-р Доннет (James J. L. Donnet – старший врач корабля «President». – *П. К.*) и я были в непосредственной близости и нашли рану смертельной. Достаточно сказать, я не видывал сцены более душераздирающей, чем смерть британского адмирала. «Мир его праху».

После смерти адм. Прайса командование английскими кораблями перешло к сэру Фредерику Николсону, капитану “Pique”; командование всей эскадрой принял французский адмирал Де Пуант (О. Феврие-Депуант. – *П. К.*); был дан сигнал вышеназванным кораблям вновь стать на якорь; атака, назначенная на 31-е, не состоялась. Печаль охватила всех в этот вечер.

К ночи наши катера захватили русский бот, на нём девять человек из команды «Авроры».

Атака назначена на утро.

1 сентября. В 7 часов утра “Virago” начала буксировать “Pique”, “Forte” и “President” к входу во внутреннюю гавань. “President” отдал буксир и стал на якорь против Батареи Мыса на расстоянии 800 ярдов, “Forte” – против “Змеи подколодной” (“Snake in the grass” – т. е. скрытая опасность. – *П. К.*) и “Pique” – против “Паркеровой” батареи; едва корабли стали по местам, снаряды полетели справа и слева, но по счастью ни один не попал в нас, хотя иные пролетали между мачт. Мы вернули комплимент бортовым залпом; перестрелка продолжалась до 11 часов, когда противник оставил батарею и мы прекратили огонь. Во время атаки на батарею мы разбили одну из пушек, а другие своротили в разных направлениях.

Тем временем капитан Ч. А. Паркер с морской пехотой, нашей и с “Virago”, высадился на берег и двинулся к трёхпушечной батарее (“Паркеровой”), достигнув, он нашёл её оставленной и пушки заклёпанными. Причинив батарее возможно больший ущерб, они были отозваны, поскольку “Аврора” открыла оживлённый огонь по ним и по шлюпкам, посланным им на подмогу. “Virago” в то же время стреляла по “Авроре”, и шлюпки прошли благополучно.

Огонь прекратился, и мы «просвистали к обеду»; к тому времени две батареи были заглушены, но вместо того чтобы развивать успех, мы «просвистали к обеду».

Обед прошёл, и когда мы курили на баке, “Перешеечная” батарея открыла огонь, и “Virago” получила два или три ядра, одно из которых попало в бомбовый погреб (shell-room).

В 2 часа пополудни “La Forte” снялась с якоря и начала бой с батареей “Змеей подколодной”, 11-пушечной, и мы последовали её примеру. Она [“Forte”] двинулась самым неловким образом и продолжала приближаться к батарее, когда подверглась тяжёлому обстрелу – один был убит и шестеро ранено.

Мы как раз подоспели, чтобы облегчить участь “Forte”, мы подошли ближе, посылая в “Змею” бортовой залп за залпом, и в двадцать минут успокоили батарею.

Тем временем “Pique” стоял на якоре поодаль от “La Forte” и от нас. Когда же мы загнушили вторую [по счёту батарею], с “La Forte” просигналили “вытягиваться”. (Корабли стояли «на шпринге»; выбрав длинный якорный канат, они вышли из зоны обстрела. – П. К.) “Forte” понесла потери и небольшие повреждения корпуса. Таким образом, мы вывезли на себе первый день атаки на Петропавловск, не потеряв ни одного нашего человека – меланхолическая прелюдия к тому, что предстояло далее. Вытянувшись с огневой позиции, мы стали на якорь ночевать.

2 сентября. Утром командир [т. е. капитан фрегата Р. Барридж] ходил на рекогносцировку к берегу на 1-м катере, но был обстрелян с “Авроры” и вынужден вернуться на корабль. По кораблю расходится весть, что французский адмирал не будет больше атаковать. Весть вызывает великое возмущение и неприязнь как у нас, так и на всех британских кораблях. Но французский адмирал дал сигнал отойти дальше в большую бухту, всех нас отбуксировала “Virago”, поскольку утро было великолепно безветренным. Мы стали на якорь, а “Virago” повезла похоронную партию в Тарьинскую бухту, что в 15 милях от места нашей стоянки, предать земле останки контр-адмирала Дэвида Прайса. День прошёл в общей мрачности и упадке духа, на корабле царило безмолвие.

Русские батареи, по виду, пребывают в том же состоянии, в каком мы их вчера оставили; впрочем, теперь у них есть достаточно времени для восстановления благодаря нашему любезному отходу.

Вечером “Virago” вернулась; к нашему большому удивлению, они взяли на берегу двух пленников. Один из них янки, другой пруссак. Эти двое хорошо знают город и вызвались провести нас в город с тыла, откуда его легко захватить, – по их словам, достаточно будет семи-восьми сотен человек. Пленных допоздна допрашивали сэр Фредерик Николсон и капитан Барридж, а назавтра им предстоит предстать перед французским адмиралом. Все надежды воскресают с перспективой атаки на город.

3 сентября. Воскресенье. Утро. Великая и прекрасная Авачинская бухта выглядит бескрайним зеркалом; берег кажется счастливым и безмятежным, а отдалённые заснеженные сопки Вилючинская и Кронотская (Kronotskoi) [!!] придают чистоту и величие мирному пейзажу, и как же отличны от этого воинственные страсти людей, которые всеми силами стремятся схлестнуться с противником насмерть.

В обычное время, полдесятого утра, мы идём на общее построение и, после речи, к церковной службе на главной палубе; все выглядели мрачными и унылыми, поскольку неясно, будем ли мы снова атаковать город. Хотя британские капитаны всеми средствами стараются сподвигнуть на это французского адмирала (который, к сожалению, командует). Это первое наше богослужение во враждебной стране и в виду неприятеля.

В 2 часа пополудни на борту французского флагмана состоялся военный совет, и было решено атаковать город снова, хотя французский адмирал согласился очень неохотно. План атаки предусматривал поставить “La Forte” против “Горжевой” батареи, “President” против “Перешеечной”; “Virago” возьмёт людей со всех кораблей, числом семьсот, затем, поставив корабли на места, отойдёт в сторону и высадит людей на берег, ближе к “Горжевой”. Десантной партией будут командовать капитан Барридж, французский капитан, а морскими пехотинцами – капитан Ч. А. Паркер с нашего корабля. Планом утверждено, что атака состоится завтра утром, на рассвете.

Сегодня мы увидели, что русские не теряют времени, отстраивая сбитые батареи. Поскольку видимость прекрасная, оптика позволяет разглядеть их на берегу, как они ходят в город и обратно, наслаждаются чудесной погодой и меньше всего думают, что скоро будут вынуждены вернуться на батареи и снова обороняться.

Вся команда нашего корабля воспрянула духом и уверена в успехе завтрашнего дня.

4 сентября. В два часа пополудни вся команда покинула койки и занялась подготовкой к этому, полному событий, дню.

Ни единого огня не мелькало на верхних палубах кораблей, всё делалось с величайшей осмотрительностью. Наша десантная партия получила оружие и боеприпасы. На палубе, в темноте, каждый боец получил 80 пулевых патронов.

В 6 часов утра “Virago” подошла к нам борт о борт и взяла нас в буксировку, также и “Forte”, и мы быстро двинулись к батареям. Когда мы достигли позиции, батареи открыли огонь и продолжали его, пока мы становились на якорь в 400–500 ярдах от “Перешеечной”, потом бой разгорелся всерьёз. Мы давали бортовые залпы один за другим; “Перешеечная” живо отвечала, первое же ядро перебило нам левый грота-брас, второе сбило флаг – который тут же был поднят вновь, – затем последовали другие, попадая повсюду, круша дерево, убивая и рая людей на боевых постах. Теперь

не было слышно ничего, кроме непрерывной канонады, взрывов, боевых кличей, воплей, стонов. Кровь бежала по палубе багровыми ручьями; раненых уносили, к осиротевшим пушкам становились другие люди. В то же время наша канонада производила страшное действие на неприятелей, они почти не были защищены от наших ядер, и примерно через двадцать минут мы опустошили батарею, по каковому случаю наши славные парни грянули «ура». Но русские, хоть и выбитые на время, вновь вернулись к своим пушкам, и бой возобновился со всей яростью. И вновь мы заставили их отступить от пушек, и вновь они пополнили свою потерю в людях.

Но это был последний раз, после чего они были искромсаны бурей огня, который мы устремляли на батарею, едва они там показывались; наконец, остался один офицер, и его разорвало надвое 32-фунтовое ядро. Таким образом, мы свою работу сделали – очистили «Перешеечную» и вывели из строя её пушки. Дула одних отбиты, другие сброшены, но все повреждены, кроме одной; мёртвые и умирающие тела русских лежали в руинах, среди разбитых пушек и вокруг амбразур. Контраст был поразительный между «Перешеечной» за час до того, когда все солдаты стояли у орудий, соблюдая воинский порядок и дисциплину, и тем, что мы видели теперь. Земля имела вид ужасный. Всё опрокинуто, порушено; разбитые станки, прибойники, ядра, картузы валяются кучами, и видящий это мог бы сказать: «Воистину псы войны спущены». (Поэтическое выражение “Truly the dogs of war are let loose” – т. е. вот они, бедствия войны. – *П. К.*)

Тем временем “La Forte” атаковала и заставила замолчать «Горжевую» батарею, имевшую только малые орудия, и 700 человек высадились; и теперь только горькую и меланхолическую рефлексию вызывает упоминание или хотя бы намёк на эту десантную партию.

Они высадились на берег под сильным ружейным огнём со скал и из кустов на холме; вместо того, чтобы правильно построиться, они бросились вверх по этому холму, более напоминая стадо баранов, чем дисциплинированный отряд.

Пройдя сотни две [шагов] от берега, они были обстреляны «Озёрной» батареей, 5-пушечной, и медной полевой пушкой, перевозимой двумя лошадьми. Командовавшие офицеры не могли собрать людей, фактически они ничего не знали о движениях войска на берегу, за исключением капитана Королевской морской пехоты Чарльза Аллана Паркера, который был убит вскоре после высадки.

Тем не менее, «Озёрная» батарея была взята штурмом (!! – *П. К.*), но вместо того чтобы вернуть орудия против русских, её тут же снова оставили, даже не заклепав пушек. Вскоре возникла паника и следом общий разгром. Люди грузились в шлюпки с большими потерями и возвращались на свои корабли.

С нашего корабля Палмер и Говард (Palmer, Howard) серьёзно ранены, а бедняга Паркер убит; ранены Клементс, Мак-Каллум, Блэнд и Робинсон (Clements, McCallum, Bland, Robinson) с “Pique”; многие французские офицеры убиты и ранены. Наш корабль потерял убитыми двенадцать, ранеными пятьдесят одного; общее число по эскадре около 300. Итог этого дня печален; я был загружен так, что едва не валился с ног.

Все корабли отозваны на внешний рейд, мы стали на якорь.

5 сентября. Сегодня русские восстанавливали свои батареи, и мы не пытались препятствовать этому, хотя явно ничего не было проще. Главнокомандующий теперь только и думает сбежать как можно скорее, хотя русские опасаются ещё одной попытки штурма.

7-е. Утром с позором вышли из Авачинской бухты, но вне её пределов захватили русский корабль «Ситха», десяти пушек, после 4 или 5-часовой погони, хотя она несколько раз лавировала, пытаясь уйти. Пустив ядро наперерез, мы заставили её спустить флаг и захватили, после чего назначили туда лейт. Гроува [Edmund S. Grove] с “Pique” командиром и Стронга [George W. Strong, mate] с нашего корабля, а пленных, в том числе нескольких офицеров, распределили по эскадре.

В тот же день захвачена русская военная шхуна “Анадырь”, которую мы прозвали “Anni Dear” [“Дорогая Анни”], 4-пушечная, под командой лейтенанта Императорского военно-морского флота. Забрав со шхуны всё ценное, её сожгли. В это время воскресли надежды, что после этих захватов командующему болвану (the dolt in command) хватит смелости вернуться, но мы обманулись, и казалось, дух вышел из людей до последней частицы.

После того как пленные, числом 70 или 80, были размещены, “Анадырь” уничтожен, а на “Ситку” назначена команда, “Старый ретроград” (“Old fogie” – подразумевается французский адмирал. – *П. К.*) дал сигнал ставить паруса и держать на восток. Приказ был исполнен, и вскоре чёрные горы Камчатки скрылись из виду, а мы направились к острову Ванкувер, где есть английское поселение.

В течение нескольких дней после нашего ухода некоторые корабли хоронили раненых, умерших в пути. Погода стала очень бурной, шквал за шквалом хлестали то и дело нам в зубы (in our teeth), главную палубу постоянно заливали чудовищные волны, а буксирный трос, на котором мы тянули пароход “Vigago”, то и дело рвался.

МОРЯК

Отдай невесту-дочку
В супруги старику,
Не отдавай девчонку
Бродяге-моряку.
Старик её не бросит,
Унылый и седой,
Моряк уйдёт в туманы,
Весёлый, молодой.

Когда моряк несчастный
Вот-вот покинет свет,
Ни мать не приласкает,
Ни милой рядом нет.
Лишь голос капитана:
– Вставай, вставай, юнец,
Веди корабль в гавань,
Иначе всем конец.

– Пускай меня поднимут,
Я сам не чую ног,
И пусть повяжут крепко
На голову платок;
Его я на прощанье
У милой попросил,
Пускай в мой час последний
Платок придаст мне сил.

Смотри на карту: видишь –
Скалистый великан,
Покрытый облаками,
Закутанный в туман.
В утёсах есть ущелье,
Укрытое от бурь.
Там можно стать на якорь –
Клади смелее руль.

Свезут меня на берег
На утренней заре,
Но пусть кладут не в церкви
И не в монастыре.
Молю: похороните
На берегу морском,
На самом на прибое,
Под галькой и песком.

Придёт на рейд корабль,
Снастей услышу скрип
И выкрики матросов,
И их натужный хрип.

Пойдёт ли в путь обратный –
 Их дружное «Йо-хо!»...
 Но –
 мне увидеть милую
 Уже не суждено!

(Переписанное Дж. Н. Диком стихотворение «Моряк» (The Sailor. – A Romaic ballad) принадлежит английскому поэту Уильяму Аллингаму (William Allingham, 1824–1889). Опубликовано в сборнике 1850 г., перепечатывалось в англоязычных газетах. Русские переводы неизвестны. – П. К.)

Переход к острову Ванкувер был очень тяжёл. Ничего, кроме шквала, следовавшего за шквалом, и густых туманов».

Дж. Н. Дик ещё раз увидел Петропавловск в 1855 г., при повторном заходе британских кораблей. Но эта часть дневника ещё ждёт своего прочтения и перевода.

Несомненно, где-то в архивах скрываются и другие свидетельства (не обязательно «медицинские») очевидцев и участников сражения, принесшего воинскую славу нашему городу.

1. Relation chirurgicale de l'attaque de Pénropaulowski au Kamstchatka par l'escadre anglo-française der mers du sud en 1854; Par M. le docteur Henry Guérault // Mémoires de la Société d'agriculture, sciences, belles – lettres et arts d'Orléans, tome cinquième. Orléans, 1860. P. 120.

2. Ed. du Hailly. Une Campagne dans l'Océan Pacifique. L'Expédition de Petropavlovsk // Revue de Deux Mondes. 1858. August. P. 686–718.

3. [Электронный ресурс]: http://www.collectionscanada.gc.ca/immigrants/021017-119.05-e.php?%20%20%20&diary_id_nbr=30&page_sequence_nbr=1&&PHPSESSID=5mfg35v68lme2ktmv2ddc09jt7

Г. А. Карпов **НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УЗОН-ГЕЙЗЕРНОЙ** **ВУЛКАНО-ТЕКТОНИЧЕСКОЙ ДЕПРЕССИИ**

Узон-Гейзерная вулcano-тектоническая депрессия, расположенная в самом центре Восточного вулканического пояса Камчатки, давно привлекала внимание исследователей самого различного профиля. Исторически получилось так, что ее западное звено – кальдера влк Узон, была открыта на 90 лет раньше, чем теперь всемирно известная Долина гейзеров, отстоящая от Узона всего лишь на 14 км к востоку. Путешествовавший по Камчатке по заданию Российской академии наук в 1851–1855 гг. Карл Дитмар опубликовал описание своего посещения кальдеры Узон в 1901 г. По его словам, кальдера произвела на него колоссальное впечатление. Мощные выходы пара, горячих источников, многочисленные грязевые котлы и вулканчики побудили его посчитать Узон действующим вулканом. Богатый и разнообразный (в основном ботанический) материал о кальдере Узон опубликовал в 1909 г. академик В. Л. Комаров. Более детальные геологические и гидрохимические исследования на Узоне провел в 1933 г. Б. И. Пийп, ставший впоследствии (в 1962 г.) первым директором Института вулканологии.

Большой вклад в изучение геологии, гидрохимии и минералогии кальдеры и прилегающего к ней района внесли экспедиции Института вулканологии в 1964–1970 гг., в которых принимали участие такие известные ученые, как В. В. Аверьев, С. И. Набоко, Г. Е. Богоявленская, В. И. Белосов, О. А. Брайцева, Г. Ф. Пилипенко, С. Ф. Главатских и др.

В конце 60-х гг. теперь уже прошлого XX в. Институт вулканологии построил в кальдере небольшой домик, на базе которого и проводились более-менее регулярные полевые экспедиции и режимные исследования, главным образом гидрохимического направления. В то время эта территория была лишена статуса заповедности. В Долину гейзеров через Узон проходила туристическая тропа, и многие сотни туристов ежегодно проходили по ней. Было замечено, что, облегчаясь на трудном горном маршруте, туристы часто бросали по пути отломанные ими на сувениры куски гейзерита. Великолепные гейзеритовые плащи Долины Гейзеров были под угрозой варварского уничтожения. Тогда на Втором вулканологическом совещании в 1966 г., по инициативе Института вулканологии, было принято обращение к Правительству СССР о возобновлении статуса особо охраняемой законом территории и для Долины гейзеров, и для кальдеры Узон. К тому времени в кальдере трудами С. И. Набоко и ее учеников было обнаружено уникальное современное минерало-рудообразование